

ПЕРСОНА

МАККА СУЛТАН-ГИРЕЕВНА АЛБОГАЧИЕВА

Среди отечественных этнографических исследований одним из центральных векторов, определяющих ход актуального академического процесса, является исследование различных аспектов религиозной жизни. Обусловлено это не только значимой ролью религии в культуре многих обществ, но и тем, что в течение долгого времени в Советском Союзе изучение этих вопросов было определено (и ограничено) прямым политическим заказом и в значительной мере объявлено излишним в силу предполагаемого исчезновения религии из жизни советских людей. Особенно это касалось так называемых мировых религий, для которых советской этнографией не был «забронирован» статус набора свидетельств о древнем состоянии той или иной этнической культуры. С точки зрения академического здравого смысла тех лет этот статус, приданный всему, скажем, дохристианскому и до-исламскому в духовных культурах разных народов, хоть как-то оправдывал бы исследовательский интерес к большим религиозным традициям. Последние между тем воображались как универалистские конструкции, возведенные на основании канонических текстов и заслуживающие в лучшем случае внимания востоковедов (а то и специалистов по научному атеизму), но никак не этнографов. Однако времена изменились, и постсоветский период ознаменовался появлением целой плеяды исследователей, которые с энтузиазмом и вдохновением взялись за этнографическое изучение того, что еще недавно считалось набором бесцветных и бесполезных пережитков. Закономерно большой интерес был проявлен к исламу в различных регионах России, особенно на Северном Кавказе, где исламское религиозное возрождение было исключительно ярким. В ряду имен исследователей, внесших существенный вклад в изучение ислама на Кавказе, безусловно, важное место занимает имя Макки Султан-Гиреевны Албогачиевой, чья статья о паломничестве к святым местам в Республике Ингушетия представлена в этом номере журнала.

Исследовательский путь Макки Султан-Гиреевны не был линейным и во многом сформировался не вследствие специфики институций, к которым она принадлежала, а благодаря творческому энтузиазму и деятельному интересу к тому предмету, которому она себя посвящала.

Выпускница биологического факультета Чечено-Ингушского государственного университета, ряд лет преподававшая химию и биологию в различных учебных заведениях Ингушетии, Макка Султан-Гиреевна пришла в социальные науки, уже имея за плечами серьезный исследовательский опыт, полученный вне этой сферы. Первоначально на рубеже 1990–2000 гг. Макка Султан-Гиреевна была увлечена сбором архивных материалов по истории и этнографии ингушей. Она проделала поистине титанический труд по поиску, сбору и анализу источников по этнографии ингушей в архивах и газетных залах библиотек России. Эти архивные изыскания были очень востребованы как профессиональными кругами кавказоведов, так и ингушским обществом. В условиях утраты в ходе военных операций на Северном Кавказе многих источников, хранившихся в архивах ЧАССР, а также фрагментарности этнографических сведений об ингушах, обусловленной драматическими

событиями XX в. — раскулачиванием, депортацией ингушей и так далее — значение ее труда сложно переоценить. Результатом кропотливой работы по сбору материалов об ингушской истории и культуре, предпринятой Маккой Султан-Гиреевной, стала серия книг «Об Ингушетии и ингушах», вышедшая в 2002–2005 гг.

Академическая карьера Макки Султан-Гиреевны в этнографии прочно связана с отделом Кавказа МАЭ РАН и лично с его главой — доктором исторических наук Ю. Ю. Карповым, который стал ее учителем. После их знакомства на одном из заседаний Лавровских Среднеазиатско-Кавказских чтений Макка Султан-Гиреевна решает стать соискателем отдела Кавказа МАЭ РАН, а в 2003 г. поступает на работу в отдел. Отныне исследовательская деятельность Макки Султан-Гиреевны неразрывно связана с МАЭ РАН, где она в 2007 г. защищает диссертацию «Этнография и история ингушского народа в письменных источниках конца XVIII — первой трети XX века». В период работы в МАЭ РАН вышли все ее основные публикации и две монографии. За эти годы Макка Султан-Гиреевна, будучи блестящим и самоотверженным исследователем, открытым и щедрым на повседневное внимание к ближним, стала образцом ученого для тех ее коллег, кому по-счастливилось иметь с ней дело в самых разных сферах академической жизни.

Макка Султан-Гиреевна — активный член различных исследовательских сообществ: научного центра «Петрополь», парижской ассоциации кавказских исследований *Association d'etudes caucasiennes*, член редколлегий ряда профессиональных журналов, руководитель постоянного исследовательского семинара «Кавказ: перекресток культур», член ингушского культурного центра «Таргим» в Санкт-Петербурге. Она автор более ста научных публикаций, составитель и редактор ряда сборников, активный участник всех коллективных исследовательских грантов отдела Кавказа МАЭ РАН. Отдельно необходимо отметить огромную работу Макки Султан-Гиреевны в качестве одного из трех ответственных редакторов фундаментального издания «Ингуши», выпускаемого ИЭА РАН в серии «Народы и культуры».

Ингушская общественность высоко оценила научную деятельность Макки Султан-Гиреевны, подтверждением чему являются многочисленные награды, в том числе на уровне правительства Республики Ингушетия, за вклад в изучение ингушского народа. В 2012 г. Макка Султан-Гиреевна была основным организатором большой международной конференции «Ислам в России и за ее пределами: история, культура, общество», ставшим заметным событием в этой сфере исследований.

Начав с монографического изложения этнографии ингушей по архивным источникам, в дальнейшем Макка Султан-Гиреевна конкретизировала свои интересы и обратилась прежде всего к изучению религиозной жизни ингушского народа. В частности, в своих работах она уделила много внимания изучению вирдовых братств Ингушетии и их ярких представителей. Так, необходимо отметить ее многолетнее исследование сообщества последователей Батал-хаджи Белхароева, а также некоторых других религиозных сообществ (висхаджинцев, последователей Кунта-хаджи Кишиева и др.). В числе ее основных интересов также роль ислама в контексте характерного для современного ингушского общества полиюридизма (сосуществования норм шариата, адата и государственного права в советский и постсоветский периоды), практики паломничества как в общеисламские паломнические центры, в частности в Мекку, так и на территории Кавказа. Последнему из перечисленных аспектов посвящена статья, предлагаемая вниманию читателя в рубрике «Персона».

Е. Л. Капустина, Е. Ю. Захарова, С. А. Штырков

М. С.-Г. Албогачиева

МЕСТА ПАЛОМНИЧЕСТВА В ИНГУШЕТИИ

А Н Н О Т А Ц И Я. Культ мусульманских святых и их могил в Ингушетии существует с середины XIX в. Этому способствовало проникновение и укрепление среди ингушей суфийского ислама, принесенного на их землю шейхами накшбандийского и кадирийского тариката. Культ святых могил существовал среди ингушей и в предыдущие эпохи. Наложившись на суфийскую традицию, он стал представлять собой синкретический комплекс исламских и доисламских религиозных представлений ингушского народа. С годами культ эволюционировал и занял важное место в обрядовой практике местного населения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ислам, ингуши, религия, паломничество, зийарат, могилы, святые места, культ, ритуал

УДК 297.17(470.6)

DOI 10.31250/2618-8619-2019-2(4)-230-241

АЛБОГАЧИЕВА МАККА СУЛТАН-ГИРЕЕВНА — к.и.н., и.о. зав. отделом этнографии Кавказа, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: albmac@mail.ru

Культ святых и их могил существовал у ингушей еще в языческий период и продолжает существовать в настоящее время. Однако эта сложная и многогранная тема не нашла должного освещения в работах историков, этнографов, антропологов, исламоведов. Отдельные аспекты этого явления затрагивались в работах И. Г. Георги, Я. Я. Штелина и И. А. Гильденштедта, В. Ф. Миллера, Б. К. Далгата, Г. Ф. Чурсина, Е. Шиллинга, Ф. И. Горепекина, Ч. Э. Ахриева, А. Б. Базоркина, Н. Ф. Грабовского, М. Б. Мужухоева, А. В. Авксентьева, Х. А. Акиева, В. Х. Акаева и др. Отсутствие исследований по заявленной теме подвигло заняться изучением этого важного аспекта духовной культуры ингушского народа. Статья в основном построена на полевых материалах автора 2015–2018 гг. Обобщив полевой материал, я столкнулась со сложностью, связанной с типологизацией зийаратов ингушей. Как справедливо отмечает известный антрополог С. Н. Абашин, исследователи, ставшие на путь изучения святых мест, сталкиваются с проблемой изучения и интерпретации накопленного материала (Абашин 2008: 5). Обобщив собранный материал и не найдя универсальной системы для его описания, я предложила свой вариант. Весь собранный материал, характеризующий зийараты ингушей, предваряет справка о персонах, в честь которых воздвигались культовые сооружения. Такая подача материала позволяет оценить степень их популярности и их роль в распространении ислама среди ингушей.

ИСТОКИ КУЛЬТА СВЯТЫХ

Ингуши, в большинстве своем мусульмане-сунниты, в догматике придерживаются школы имама Абу ал-Хасана ал-Аш‘ари (873–941) — основоположника калама-суннитского схоластического богословия в исламе, а в праве — школы имама Мухаммада ибн Идриса аш-Шафи‘и (767–820), основоположника шафиитского мазхаба. Принадлежат двум тарикатам — накшбандийа и кадирийа. Ингуши — приверженцы суннизма суфийского толка, которые стремятся обрести божественную любовь и божественное знание посредством личного мистического опыта. Проникновение в середине XIX в. на территорию Ингушетии суфизма еще больше укрепило в местной среде культ святых, а места их погребения стали объектами мусульманского паломничества. Адепты ингушских шейхов после смерти своего муршида объявляли его могилу святым местом, паломничество к которому для его мюридов было обязательным, а для других — настоятельно рекомендуемым. Практика погребального культа была широко распространена в Ингушетии и в доисламский период. Об этом свидетельствуют многочисленные памятники материальной культуры в горных районах Ингушетии (Многолика Ингушетия 1998). Это связано с тем, что ингуши в своем духовном развитии прошли языческий, христианский и мусульманский периоды, и отголоски традиций политеизма нашли отражение в современном культе святых. Как следствие, некоторые бытующие в современном обществе религиозные практики своими корнями уходят в далекое прошлое, когда ингушам были присущи проявления анимистических и тотемистических представлений, магия, почитание объектов природы, в частности небесных светил, культ домашнего очага, культ предков и др.

Особое место в этом огромном разнообразии объектов поклонения занимали места захоронения мифических и реальных лиц. Ингуши считали, что покойники живут в загробном мире так же, как и на земле, с той лишь разницей, что, когда здесь ночь, там наступает день, и всячески стремились обеспечить покойному все необходимое в загробном мире. Они полагали, что духи умерших предков вправе требовать к себе постоянного внимания и заботливого отношения со стороны потомков. В свою очередь, потомки делали все, чтобы заручиться их поддержкой и расположением, считая, что

жизнь и благополучие живых в значительной мере зависят от отношения к ним со стороны духов умерших и предков. Чтобы добиться их расположения, устраивались ритуальные игры в поминальной камере, скачки на конях, посвящали покойнику девушку и др. (Албогачиева 2009: 60). Кроме того, почти в каждом населенном пункте были свои боги-покровители, для которых строили особые капища, называемые Эльгиц (Труды Фомы Ивановича Горепекина 2006: 173). «Почти каждое племя, род, семья, а то и члены семьи, имели своего патрона-покровителя, о чем свидетельствует и сохранившееся в ингушском языке выражение “Хъай Дяла дух...” — “Ради твоего Бога”» (Алироев 1990: 291). К примеру, святыми становились убитые молнией бога Селы. Их не оплакивали и не хоронили, считая избранными богом, возводя для них каменные сооружения, называемые Селинг.

Проанализировав материалы, можно отметить, что каждое божество имело свой домен влияния и свое место в божественной иерархии. В пантеоне нашли отражение обычаи, традиции, религиозные воззрения ингушей с древнейших времен до XIX в. Наличие такого сложного пантеона подготовило местную среду к принятию монотеистических религий (Албогачиева 2017: 24). Имея языческую природу, культ святых могил органично вписался и в мусульманскую религию. Исследователь А. В. Авксентьев отмечал: «Такие источники, камни, гробницы, остатки древних храмов и другие местные “святыни” разбросаны по всей территории Северного Кавказа. Они почитались местными жителями гораздо раньше, чем сюда проник ислам. Но служители мусульманского культа приспособили их к своим интересам, пропустив старинные верования через призму исламской мифологии» (Авксентьев 1984: 151). Некоторые домонотеистические представления, которые не противоречили положениям мусульманской религии о душе и смерти, в немного измененном варианте сохраняются в современном обществе (Гостиева, Сергеева 1996: 194). В этом отношении Кавказский регион не является исключением.

Одним из противоречивых и наиболее популярных на Кавказе является культ святых мест — зийаратов. В ингушском языке этим термином обозначают посещение одного человека другим. В энциклопедическом словаре «Ислам» паломничество к могилам пророков, святых (*аулийя*), шитских имамов, а в Северной Африке к живым суфийским шейхам обозначается термином «зийара». Практика зийаратов сложилась в связи с появлением и развитием мусульманского культа святых. Этот культ, противоречивший первоначальному исламу, возник под влиянием религиозных верований. «Отсюда проистекают две основные особенности зийаратов: а) преемственность мест поклонения и характеров ритуалов доисламских культов (нередко одно и то же место посещается с религиозной целью и мусульманами, и христианами, и иудеями); б) большое разнообразие обрядов зийаратов, распространенных в странах ислама. Как и культ “святых”, практика зийаратов с самого начала встретила сопротивление со стороны суннитских улемов, выступавших радетелями чистоты ислама, и была объявлена “нововведением” (*бид‘а*). Полемика о зийаратах нашла отражение в хадисах, ханбалийских акидах, сочинениях Ибн Таймии, в религиозной практике и сочинениях ваххабитов». Несмотря на то что законность зийаратов оспаривается вплоть до наших дней, считается, что она «освящена согласием религиозных авторитетов» (Ислам... 1991: 77). Приверженцам этой точки зрения удалось сохранить и продолжить традицию зийаратов во многих регионах мусульманского мира, где культ святых широко распространен. Сторонники этой точки зрения считают, что посещение могил допустимо при соблюдении ряда условий. Так, если человек приходит, чтобы вспомнить о смерти и помянуть покойного, навести порядок на кладбище, такой зийарат разрешен. Если человек делает из посещения могилы поклонение (религиозный обряд), считая, что мертвый сможет ему чем-то помочь, придумывает новые обряды и делает их фардом (обязанностью или очень желательными), такой зийарат запрещен. Этой точки

зрения придерживается не только основная часть жителей Ингушетии, но и многие мусульмане других регионов мира, где развит культ поклонения святым могилам. Поэтому нельзя считать, что все, кто посещает святы места, совершают грех.

В исламе не принята практика канонизации святых. Этот статус им придает признание людей, которые видят в них особенные способности. После смерти святого место его погребения становилось культовым и особо посещаемым для его адептов. Культ святых мест был широко развит среди ингушей на всех этапах развития общества, но в советскую эпоху они были лишены этой возможности из-за политических установок государства. Не имея возможности посещать священную для мусульман Мекку, многие отправлялись к зийаратам особо почитаемых шейхов и богословов, которых чтит и уважали в народе. Хорошо укоренившись и укрепившись в местной среде, эта традиция играла и играет огромную роль в похоронно-поминальной обрядности ингушского общества (Албогачиева 2009). Традиция сохранялась и в период советского атеизма, но не так активно, как в настоящее время. В тот период зийараты были в удручающем состоянии, так как верующим не разрешалось их обустроить и посещать. Боясь преследования, люди не афишировали посещения зийаратов и совершали их втайне от властей. После перестройки начался активный процесс реисламизации, сопровождавшийся восстановлением зийаратов по всей горной и плоскостной Ингушетии, строительством мечетей, медресе и новых зийаратов.

ЗИЙАРАТ БОРГІА-КАШ

Один из старейших зийаратов Ингушетии — мавзолей Борга-Каш (досл. с ингуш. яз. «могила БоргІа»). БоргІа-Каш — один из самых ранних среди сохранившихся мусульманских памятников в Ингушетии. Мавзолей является памятником истории и культуры федерального значения и находится под охраной государства. Расположен на северо-западной окраине Плиевского муниципального округа города Назрани, на левом берегу реки Сунжи, на склоне холма, являющегося отрогом Сунженского хребта, известного в Ингушетии как Гора шейха. Внешне мавзолей представляет собой куб правильной формы с куполом в форме полушария, вход в мавзолей оформлен в виде арки с арабской надписью по всему периметру (Албогачиева 2015: 150). БоргІа-Каш имеет подземную камеру, в которую в прошлом спускались для молитвы только наиболее авторитетные, почетные и знатные паломники. В Средней Азии такие подземные камеры имелись при мавзолее Ходжа Ахмеда Яссави в Туркестане, в святых местах на его родине — в Сайраме и др. (Литвинов 2016: 21).

С этим памятником связаны народные предания, данные топонимики, лингвистики, археологических раскопок, письменные источники и т. д. Они позволяют предположить, что его появление связано с пребыванием монголо-татар в плоскостных районах Ингушетии. Об этом свидетельствует Ф. С. Гребенец: «Тысячи паломников в начале XVIII столетия ежедневно стекались к месту поклонения, прося заступничества угодников Божьих в посылке им дождя и в других случаях». Далее этот же автор сообщает, что «все население Плиевского селения с каким-то благоговением и суеверным страхом относится к БоргІа-Каш, охраняет его и бережет от грубых и невежественных людей и их вандальских замашек. В период бездождя, в страдную летнюю пору все местное население селения Плиевского собирается к этому памятнику и во главе с муллами возносит горячие молитвы к Престолу Всевышнего, испрашивая дождя. По словам ингушей, ни одно паломничество их не пропадало даром, и в таких случаях всегда обильный и многодневный дождь служил утешением опечаленному населению, которое с грустью начинало смотреть на свои пропадавшие кукурузные поля» (Гребенец 1913: 223–224). Версий относительно того, кому был возведен этот памятник,

много, но наиболее часто его происхождение связывают с именем Борга-хана — одного из ханов Золотой Орды, который был властелином Татартупа. В ногайской поэме «Мурза-Едиге» говорится о Султানে Беркихане — властителе Татартупа — и описываются ужасные последствия разгрома Тимуром Тахтамышша (Виноградов 1980: 51).

Отстраняясь от научных дискуссий, можно с уверенностью отметить, что независимо от того, кому посвящен этот мавзолей, его почитают и поныне не только в республике, но и за ее пределами как самый ранний памятник исламского зодчества, сохранившийся на территории Ингушетии (Албогачиева 2007: 79). Борга-Каш входит в число 25 священных мест в России (25 священных мест в России 2016).

ЗИЙАРАТЫ, СВЯЗАННЫЕ С ИМЕНЕМ КУНТА-ХАДЖИ КИШИЕВА

В численном отношении по посещаемости лидируют места, связанные с именем уроженца чеченского аула Илсхан-Юрт шейха Кунта-хаджи Кишиева (1800–?). Благодаря его миссионерской деятельности кадирийский тарикат распространился в Чечне, Ингушетии, Андийском округе Дагестана и Ахмедском районе Грузии. Проповеди Кунта-хаджи о мире, братстве, поддержке обездоленных, сирот соответствовали общему настроению, душевному состоянию народа. Помощник начальника Аргунского округа Терской области А. П. Ипполитов писал, что число его последователей резко возросло, в «назрановских аулах у зикристов были свои собственные старшины, с избранными мюридами. <...> В скором времени Чечня, Назрань и большая часть нагорных обществ чеченского племени были покрыты этим тайным учением как крепкою сетью» (Ипполитов 1869: 28). Любой желающий мог стать адептом нового учения. Посвящение в мюриды было простым: Кунта-хаджи или его поверенный (викал) брали вступающего в братство за руку и спрашивали, обязуется ли он, признавая в душе святость избранного наставника, после каждого намаза стократно произносить тахليل «нет божества, кроме Аллаха» («ла илаха илаЛлах») и участвовать в ритуале кругового зикра (Албогачиева 2012: 105). Число последователей нового учения постоянно и значительно увеличивалось. Пополняли ряды мюридов и женщины. Им было позволено принимать участие в религиозной деятельности, выражавшейся в публичном чтении айатов, различных молитв и в совершении зикра. По всей Ингушетии и Чечне появилась разветвленная подпольная (по причине негативного отношения властей) религиозно-политическая сеть. Возглавлял ее старшина мюридов тхамата и его помощник-исполнитель турк, которые передавали распоряжения мюридам (Авксентьев 1984: 130). Таким образом, угроза, которую Кунта-хаджи Кишиев стал представлять для царской администрации, состояла не в его учении или ритуальных практиках, а в большой популярности и влиянии на народ, принявших угрожающие для властей масштабы. Обеспокоенные набравшей силу религиозной организацией власти начали преследовать «зикристов» (Кисриев 2017: 167). Чтобы вывести своих последователей из-под удара, Кунта-хаджи позволил себя арестовать. По официальным источникам, арест был произведен 3 января 1864 г. в селении Сержен-Юрт.

Сведений о жизни в заключении Кунта-хаджи очень мало. Его последователи считают, что он лишь скрылся и явится вновь накануне Судного дня. В суфизме развито представление о существовании Божьих посланников (*овлия*), по аналогии с учением о пророках. Согласно этому учению, посланник Божий — это пророк, несущий людям новый закон или сообщающий волю Бога относительно изменений в прежнем законе. Общее число святых, которые сокрыты от большинства смертных, по одной версии, равно 356, по другой — 500 (Абдуллаева 2000: 148). Бытует

убеждение, что Кунта-хаджи — один из 356 святых, на которых держится вселенная (Албогачиева 2011: 30). После ареста Кунта-хаджи возникли новые братства (вирды). Их возглавили его последователи — Бамат-Гирей-хаджи Митаев, Батал-хаджи Белхароев, Хусейн-хаджи Гарданов, Чим-Мирза Таумерзаев, Мани-шейх Назиров и Висхаджи Загиев. Известно, что у Кунта-хаджи были преемники и в Дагестане — Умар ал-Анди, Ибрахим ал-Баханди, Мухаммад ал-Лайли Газиява ал-Хунзахи, Мухаммад ал-Хучади (Шихалиев 2011: 73). Новые братства в свое время существовали как замкнутые группы, скрытно от власти проповедовавшие свое учение, выполнявшие религиозные обряды, имевшие отличительные особенности как в исполнении громкого зикра, так и в некоторых элементах одежды (Албогачиева 2011: 30). Каждое братство признает исключительность своего шейха, хотя с почтением относится к шейхам остальных братств.

1. Гора молитвы Дуаьн Гу находится в Республике Ингушетии, в Назране, поселок Крепость. На этой горе святой устаз Киши-хаджи и сопровождавшие его мюриды устроили первый на земле Ингушетии коллективный громкий зикр. По сей день жители близлежащих селений собираются на горе для жертвоприношения, молитвы, чтобы во время засухи просить дождя у Всемогущего Аллаха, мира и благополучия.

2. В честь 200-летия появления на земле святого устаза Кунта-хаджи Кишиева открыт мемориальный памятник из белого мрамора. Республика Ингушетия, 2000 г. (Албогачиев 2012).

3. Святой родник Хъажий хъаст устаза Киши-хаджи. Республика Ингушетия, Назрань, поселок Крепость. Основан святым устазом Киши-хаджи в 1847 г. во время первого приезда в Ингушетию. Этот родник очень популярен у молодежи, туда со всех концов республики съезжаются невесты, чтобы совершить обряд выхода невесты за водой. Иногда около родника собирается очередь невест. Перед тем как набрать воду, невеста должна выполнить один старинный обряд: вынуть иглу, вколотую в подол ее свадебного платья, проткнуть иглой куриное яйцо, бросить яйцо в родник, чтобы оно разбилось и его унесло водой. В это момент невеста загадывает три желания, касающиеся ее супружеской жизни. Затем невеста наполняет водой ведра всех женщин и девушек, находящихся у родника, и, наполнив свое ведро, отправляется домой (Албогачиева 2007).

4. Зийарата Кунта-хаджи не существует, но его последователи совершают паломничество к месту захоронения его матери Хеди. Зийарат находится в Веденском районе Чечни, в селении Хажи-Эвла на вершине горы Эрган-Корт. Огромное количество верующих из разных уголков Ингушетии отправляются туда в месяц Рамадан и в другие мусульманские праздники, предварительно посетив могилу Т. Ужахова. Очевидцы пишут: «Слышали, наверное, Эрган Лам на хребте Песчаном (Гамаран дукъ) в Ведено становится кавказским Арафатом. Вайнахские пилигримы облепили гору со всех сторон. Паломниками заполонена вся Чечня. Идут, как в стародавние времена, подвергая себя трудностям, отказывая себе в транспорте, комфорте, с посохами и скромным содержимым хурджунов, в которых лишь легкая еда и посуда для воды. Забита автогасса “Кавказ”, все тропы исхожены. Побиты все рекорды посещения последней обители уважаемой Хеди, матери Кунта-хаджи. Если в прошлом за целый год этот уголок посещали немногим более двух тысяч человек, то только за весенние три месяца здесь побывало более 20 тысяч паломников. Такого не бывало никогда. Открыты все ворота, на блок-постах людей не останавливают, везде зеленый свет. Едут из Иордании, Турции, Ингушетии, российской глубинки. И среди них преимущественно молодежь» (Зийарат Хеди под угрозой).

Зийарат Хеди стал одним из важных и значимых ритуалов для кунтахаджинцев всего региона. В течение мая-июня каждого года днем и ночью люди совершают паломничество к могиле Хеди.

В 2006 г., например, ее посетило более 200 тыс. человек (Акаев 2008: 72). В 2017 г. пресс-служба Главы и Правительства Чеченской Республики сообщила, что в праздновании дня рождения Кунта-хаджи приняло участие около 20 тыс. человек из Чечни, Ингушетии, Дагестана. Праздничные мероприятия прошли во всех мечетях республики и на зийарате матери Кунта-хаджи Хеди, где проходил коллективный громкий зикр.

Наши полевые материалы позволяют судить о трансформациях, произошедших в последние десятилетия при посещении могилы матери Кунта-хаджи Хеди. Раньше паломники, увидев издалека ее могилу, останавливались и обращались к ней с приветствием: «Мы приветствуем тебя, уважаемая мать устаза Кунта-хаджи Хеди — Салам-моарал да хьога тхогар, везача устаза Киши хАжи нана Хеди», то есть они даже не подходили близко к ее зийарату. Старики считают, что так они выражали дань уважения этой святой женщине.

При очередном посещении могилы Хеди я была свидетелем того, что в зийарат заходили все желающие, делали семикратный обход могилы Хеди, при этом прикасались левой рукой к ограде — ширме, ограждающей могилу от посетителей, а затем в другой комнате располагались для совершения намаза и затем выходили на улицу. При этом до самого выхода с территории зийарата все шли задом наперед, чтобы лицо было обращено к зийарату. Многие паломницы привязывают к деревьям, расположенным в окрестностях зийарата, цветные лоскутки или носовые платки (Албогачиева 2012). На деревьях верующие по традиции навешивают лоскутки материи с надеждой, что после этого их или их близких покинут все болезни и недуги. Повязывание лоскутков характерно для почитания святых мест.

ЗИЙАРАТЫ, СВЯЗАННЫЕ С ИМЕНЕМ БАТАЛ-ХАДЖИ БЕЛХАРОЕВА

Второе место по количеству зийаратов принадлежит Батал-хаджи Белхароеву (1824–1914), основателю нового религиозного направления в Ингушетии. В раннем детстве он лишился родителей. Ему не было еще семи лет, когда умерла его мать Райзет (Забия), и вскоре умер отец. Мальчик был отдан на воспитание родственникам матери, жившим в Чечне, где он провел последующие девять лет. Там произошло его знакомство с Кунта-хаджи Кишиевым, он и стал его духовным наставником и учителем. Годы, проведенные в Чечне, не прошли даром для молодого суфия, он часто бывал у святого устаза шейха Кунта-хаджи, советовался с ним по многим интересовавшим его вопросам духовного развития. Когда Батал-хаджи решил вернуться в Ингушетию, он спросил: «Где бы свить мне свое гнездо?» — и услышал: «В Сурхах» (Матиев 2006: 8). В тот период среди ингушей велась активная пропаганда двух мировых религий — ислама и православия. Миссионеры с той и другой стороны пытались обратить народ в лоно своей религии. Не имея своего духовного наставника в Ингушетии, ингуши часто посещали жившего в Чечне Кунта-хаджи. В очередной раз, когда ингуши приехали к Кунта-хаджи, он показал на стоявшего в стороне человека и спросил у них: «Вы знаете этого человека?» — «Нет, а кто это?» — спросили они. «Воистину это устаз, шейх из Сурхахов Батал, отныне вы можете обращаться к нему за советом и принимать тоба», — было сказано им в ответ (Матиев 2006: 8). Первыми приверженцами шейха Батал-хаджи Белхароева стали жители ингушских селений Сурхахи, Назрань, Насыр-Корт, Барсуки, Плиево и Верхний Ачалуки. С тех пор село Сурхахи стало самым почитаемым и посещаемым местом для последователей Батал-хаджи из разных концов республики и края. Обращаясь к человеку, решившему вступить в его братство, он говорил: «Ты обязуешься не причинять другому то, чего не пожелаешь себе», — и лишь получив утвердительный ответ, разрешал тому стать его адептом. В народе Батал-хаджи

пользовался особым уважением, так как «отличался широким гостеприимством, умел располагать к себе не только горцев, но и царских чиновников» (Акаев 1994: 94–95). В 1911 г. Белхароев вместе с представителями чеченского духовенства был арестован и сослан в Козельск Калужской губернии, где скончался в 1914 г. После его смерти по ходатайству перед Николаем II Павлом Алексеевичем Гайдуковым было получено разрешение на перевозку спецвагоном тела святого устаза на родину. Он был похоронен 25 октября 1914 г. в Сурхахгах. В похоронной процессии участвовали жители не только Ингушетии, но и всех уголков Северного Кавказа (Матиев 2006: 40).

1. Зийарат Батал-хаджи является местом особого почитания его мюридов. Новое сооружение, отстроенное в начале XXI в., в буквальном смысле утопает в гранитном обрамлении и блистает золотом. По своей монументальности и оригинальному архитектурному исполнению оно вряд ли имеет аналог на всем Северном Кавказе. Этот зийарат приказом Министерства культуры России от 28 марта 2017 г. включен в Единый государственный реестр памятников истории и культуры народов Российской Федерации в качестве объекта культурного наследия федерального значения.

2. Куж бага хи (Дерево с раскидистой кроной) — название местечка между селениями Экажево и Яндырка. По рассказам старейшин, ингушский устаз Батал-хаджи посадил здесь дерево. Более того, на этом участке были преданы земле одежда и предметы быта шейха Кунта-хаджи Кишиева, подаренные им своему ученику и последователю Белхароеву. Это место в большом почете у последователей учения Батал-хаджи Белхароева (Матиев 2006: 120).

ЗИЙАРАТ ХУСЕЙН-ХАДЖИ ГАРДАНОВА

Следующий зийарат связан с именем Хусейн-хаджи Гарданова (1864–1914) — основателя нового религиозного братства кадирийского тариката в Ингушетии. Родился в селении Цечахке в семье казначея и наиба имама Шамиля. С раннего детства начал читать Коран. Стремясь глубже понять духовные основы ислама, он много читал и много времени проводил в общении с наиболее влиятельными представителями мусульманского духовенства и выдающимися авлиями того времени — Батал-хаджи Белхароевым, Багаудином Арсановым и др. Благодаря хорошим познаниям, благочестивому образу жизни и многочисленным связям он приобрел известность среди широких кругов населения. Хусейн-хаджи придавал особое значение личной праведности, нравственной чистоте, страху перед Богом и строгому следованию канонам ислама. Его желание быть праведником повело его дальше в поисках Божественной милости. В возрасте 36 лет он испытал внезапное духовное перерождение и принял обет затворничества, которому подверг себя на долгие тринадцать с половиной лет. Для этого он отрекся от мирских дел и занимался только поклонением Господу. На окраине села Плиево находилась пещера, где он нашел уединение и отдал себя служению Аллаху, посвящая ночи и дни молитвам и чтению Корана. Хорошо известно, что откровения Мухаммада начались после его регулярных уединений в пещере на горе Хира в окрестностях Мекки. Подобные практики известны во всем исламском мире.

Считается, что затворники имеют постоянную духовную связь с Богом, который направляет их, показывая прямой путь к Божественной истине. Эта традиция характерна для подвижников, которых принято считать предвозвестниками суфийского движения. Путем очищения организма, души от негативной энергии они стремились достичь внутренней близости с Богом посредством принятия различных обетов (в особенности воздержания от пищи и половых отношений), смирения, выполнения дополнительных подвижнических ритуалов, долгих ночных бдений, а также пол-

ной мысленной и духовной сосредоточенности на Боге (Кныш 2004: 13).

Известно, что пищей Хусейну-хаджи служила вода и еда, приготовленная из жареной кукурузной муки (инг. *цу*), которую ему ежедневно приносила жена. За все годы затворничества рацион оставался неизменным. Получив откровение, Хусейн-хаджи собрал вокруг себя единомышленников. Он сумел снискать к себе уважение за искренность и бескомпромиссность во всем, что касалось выполнения религиозного долга и праведного образа жизни мусульманина. Он был образцом скромности, умеренности и трудолюбия. Помимо этого, он был известен своими проповедями, в которых не просто предостерегал своих последователей от совершения грехов, но и увещевал их постоянно готовить себя к Страшному суду, следуя его собственному примеру. Как отмечают его адепты, он просил их не увлекаться жизненными благами и накоплением богатств. В повседневных деяниях своих человек должен бояться греховных поступков, отмечал шейх, и вся ответственность за содеянное лежит только на нем. Он отрицал, что кто-либо сможет оправдывать свое бесчестие предопределенностью поступков Богом. Хусейн-хаджи полагал, что все люди находятся на пути к смерти, а те, кто уже умер, ожидают тех, кто должен к ним присоединиться. Поэтому каждый должен стремиться к праведному образу жизни.

Сам Хусейн-хаджи полностью соответствовал этим качествам, что произвело неизгладимое впечатление на его последователей. Он сумел сплотить вокруг себя не только родственников и друзей, но и жителей окрестных сел. Каждому человеку, решившему вступить в братство, он говорил: «Если ты непоколебим в своей вере, я буду твоим посредником и буду просить Аллаха о милости в Судный день для своих последователей». В 1914 г. он был арестован за религиозную деятельность и заключен во Владикавказскую тюрьму, где и скончался.

Вирд шейха Хусейн-хаджи Гарданова локален, его численность составляет чуть более 500 человек, поэтому о его существовании как суфийского братства знают немногие. География распространения — села Плиево, Нижний и Верхний Ачалуки и частично Барсуки. В других районах встречаются единичные семьи.

Зийарат Хусейн-хаджи находится на родовом кладбище в селении Плиево Назрановского района Ингушетии. Это квадратное помещение, крытое крышей с золотым куполом, украшенное звездой и полумесяцем. Могила располагается внутри сооружения, по центру, и покрыта сверху черным бархатом (Албогачиева 2011: 31–32).

ЗИЙАРАТ ТЕШАЛА-ХАДЖИ УЖАХОВА

В селении Барсуки Назрановского района, на кладбище, располагается зийарат Тешала-хаджи Ужахова (1810–1895) — тамады адептов Кунта-хаджи. О его жизни до принятия им кадирийского тариката в середине XIX в. нет никаких сведений. Его популярность стала расти после назначения его на должность тамады Кунта-хаджи Кишиевым. После повсеместного принятия ислама ингушами Кунта-хаджи возвратился в Чечню, но оставил Тешала Ужахова из селения Барсуки своим наместником среди ингушей. Влияние этого бедного и праведного человека стало постепенно расти. В своих наставлениях он учил, что никакой авторитет, никакое положение в обществе, даже всенародная любовь не дают право любому смертному жить чужим трудом. Он считал, что праведная жизнь — это самое большое богатство для любого мусульманина. Последователи кадирийского тариката неоднократно подвергались арестам и ссылкам. Эта участь постигла и Тешала Ужахова. В 1892 г. он был арестован, но уже в 1895 г. вернулся из заключения и прожил после этого только две недели. Все богатство, оставшееся после Тешала, — традиционный дом,

построенный из самана и покрытый черепицей: две комнаты и маленькая прихожая. Он не оставил после себя материального богатства, но духовное наследие оказалось очень весомым. Несмотря на годы, прошедшие после его ухода из жизни, почтить память высоконравственного духовного наставника приходят жители различных населенных пунктов региона. Дорога к месту его захоронения не зарастала никогда.

Зийарат Тешала Ужахова находится в очень живописном месте — на крутом склоне в селения Гази-юрт Назрановского района. 16 июля 2011 г. состоялось торжественное открытие реконструированного места его захоронения. Инициатором восстановления этого зийарата выступил Муфтият Ингушетии и руководство Республики. Многие ингуши, прежде чем отправиться в паломничество к могиле матери Кунта-хаджи Хеди, поднимаются к могиле Тешала-хаджи, делают дуа и отправляются в Эртени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, нужно отметить, что практика почитания могил существовала в ингушском обществе всегда. Но в последние столетия она связана с суфийской традицией и деятельностью шейхов дореволюционного периода и их адептами. Известно, что «у рутульцев, как и у других народов Дагестана и Северного Кавказа, святые места выполняют пять основных функций. Во-первых, большинство из них используется рутульцами для исцеления (главным образом от бесплодия и детских болезней). Во-вторых, некоторые уджагъабыр служат кладбищами для новорожденных детей. Согласно широко распространенному поверью, святой шейх охраняет погребенных возле его могилы младенцев и помогает им достичь рая после смерти. В-третьих, к святилищам и похороненным в них шейхам обращаются за помощью, когда нужно вылечить или найти домашнюю скотину. Обычно это касается уджагъабыр, расположенных в священных рощах рутульцев. В-четвертых, святые места на окраинах селений и на перекрестках дорог охраняют обратившегося к ним с молитвой путника в пути. Наконец, возле наиболее прославленных своей чудотворной силой святых мест совершают моления о дожде» (Бобровников 2002: 37). Важная деталь, характерная для ингушских зийаратов, — это то, что местное население воспринимает их как символ веры и дань уважения, но не поклонения, в отличие от населения других регионов Кавказа.

Посещение зийаратов сопровождается особым комплексом ритуально-обрядовых действий, обязательных для каждого паломника. При посещении зийарата люди должны соблюдать определенные нормы, предписанные в исламе. Каждый желающий посетить зийарат должен предварительно совершить полное омовение тела, сделать очередной намаз и в состоянии ритуальной чистоты отправиться к месту захоронения святого. Придя к месту назначения, желательно сделать обход могилы, имитируя таваф — обход паломниками Каабы в Мекке во время хаджа, прочесть суры из Корана и различные молитвы за покойного. За каждым зийаратом ухаживает определенный человек, соблюдающий порядок и чистоту в месте захоронения, закрепленном за ним духовенством или прямыми потомками покойного. Это обязательно должен быть мужчина, женщина не должна ухаживать за могилами покойных. Эти люди каждую пятницу приходят на могилу и читают молитвы за усопшего и по мере необходимости наводят порядок. Чаще всего всем, кто ухаживает за могилами, платят определенную сумму денег, но есть и те, кто это делает ради Аллаха, без платы. В настоящее время еще очень высок уровень интереса местных мусульман и Муфтията к зийаратам, несмотря на существующие в обществе противоречия, касающиеся мест захоронения и почитания могил усопших. Эта традиция достаточно устойчива в обществе и имеет перспективы сохраниться еще на долгие годы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Абашии С. Н.* Мазар Бобои-об: о типичности и нетипичности святых мест Средней Азии // Рахмат-наме: сборник статей к 70-летию Р. Р. Рахимова. СПб., 2008. С. 5–23.
- Абдуллаева Ф. И.* Персидская кораническая экзегетика. СПб., 2000.
- Авксентьев А.* Ислам на Северном Кавказе. Ставрополь, 1984.
- Акаев В. Х.* Шейх Кунта-хаджи: жизнь и учение. Грозный, 1994.
- Акаев В. Х.* Ислам в Чеченской Республике // Ислам в России. М., 2008.
- Албогачиев Р. Ш.* Святые места, связанные с именем святого устаза Киши-хаджи // Шейх, устаз, овлия Кунта-хаджи Кишиев. Нальчик, 2012. С. 618–619.
- Албогачиева М. С.-Г.* Ингуши в XX веке: этнографические аспекты религиозных практик // Северный Кавказ: традиционное сельское сообщество — социальные роли, общественное мнение, властные отношения. СПб., 2007. С. 75–128.
- Албогачиева М. С.-Г.* Похороны и поминки у ингушей // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 9. СПб., 2009. С. 60–76.
- Албогачиева М. С.-Г.* Адепты Кунта-хаджи Кишиева: Бамат-Гирей-хаджи Митаев, Батал-хаджи Белхароев, Хусейн-хаджи Гарданов, Чиммирза Таумерзаев, Вис-хаджи Загиев, Мани-шейх Назиров // Ислам в России и за ее пределами: история и культура общества: сб. материалов междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня кончины выдающегося религиозного деятеля шейха Батал-хаджи Белхароева. СПб., 2011. С. 28–36.
- Албогачиева М. С.-Г.* Кунта-хаджи Кишиев, его проповедь и последователи // Шейх, Устаз, Овлия Кунта-хаджи Кишиев. Нальчик, 2012. С. 101–107.
- Албогачиева М. С.-Г.* Зийараты и культовые сооружения в Ингушетии // Казанское исламоведение. 2015. № 1. С. 149–160.
- Албогачиева М. С.-Г.* Ислам в Ингушетии: этнография и историко-культурные аспекты. СПб., 2017.
- Алироев И. Ю.* Язык, история и культура вайнахов. Грозный, 1990.
- Бобровников В. О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М., 2002.
- Виноградов В. Б.* Время, горы, люди. Грозный, 1980.
- Труды Фомы Ивановича Горепекина. СПб., 2006.
- Гостиева Л. К., Сергеева Г. А.* Погребальные обряды у мусульманских народов Северного Кавказа и Дагестана // Северный Кавказ: бытовые традиции в XX веке. М., 1996. С. 123–196.
- Гребенец Ф. С.* Борга-каш // Терские ведомости. 1913. № 223–224.
- Зийарат Хеди под угрозой. URL: <http://amina.com/kamina/4013-p4.html> (дата обращения: 12.05.2018).
- Ипполитов А. П.* Учение «Зикр» и его последователи в Чечне и Аргунском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. 1869. Вып. 2. С. 28–43.
- Ислам: энциклопедический словарь. М., 1991.
- Кисриев Э. Ф.* Исламистские движения и власть на Северном Кавказе в свете отношений с властью // Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. М., 2017. Вып. 2: Северный и Южный Кавказ. С. 159–205.
- Кныш А. Д.* Мусульманский мистицизм. М.; СПб., 2004.

Литвинов В. П. Местное паломничество мусульман Туркестана и Кавказа: опыт сравнительного анализа (вторая половина XIX — начало XX в.) // Исламоведение. 2016. С. 16–24.

Матиев А. Великий шейх из Сурхахов. Назрань, 2006.

Многоликая Ингушетия / сост. М. С.-Г. Албогачиева. СПб., 1998.

25 священных мест в России // Русская семерка. 27.08.2016. URL: <https://russian7.ru/post/25-svyashhennykh-mest/> (дата обращения: 12.02.2019).

Шихалиев Ш. Ш. Краткий обзор арабграфических сочинений Кунта-хаджи Кишиева // Ислам в России и за ее пределами: история, общество, культура. СПб., 2011. С. 71–76.

PILGRIMAGE SITES IN INGUSHETIA

ABSTRACT. The cult of Muslim “saints” and their graves in Ingushetia has existed since the middle of the nineteenth century. It was promoted by the dissemination and reinforcement of Sufi Islam among the Ingush, which was brought by the sheikhs of Naqshbandi and Qadiri tariqat. The cult of sacred graves existed among the Ingush also in the earlier historical period. Having been imposed on the Sufi tradition, it turned into a syncretic complex of Islamic and pre-Islamic religious beliefs of the Ingush people. Over the years it evolved and occupied an important place in the ceremonial practices of the local population.

KEYWORDS: Islam, Ingush, religion, pilgrimage, ziyarat, graves, holy sites, visit, cult, ritual

МАККА S.-G. ALBOGACHIEVA — Candidate of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Russia, St. Petersburg)
E-mail: albmac@mail.ru